

Ми Сюйян

**«ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

об основных результатах подготовленной
научно-квалифицированной работы

Работа посвящена проблемам научной интерпретации «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. В работе системно рассматриваются интертекстуальные связи произведения с предшествовавшими ему текстами русской и западноевропейской литературы, а также общественно-политической мысли. Кроме того, особенное внимание уделено теме этно-конфессиональных «чужих» в «Записках...» и ее последующему развитию в дальнейшем творчестве писателя.

Актуальность исследования определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, «Записки из Мертвого дома» до сих пор остаются одним из относительно малоизученных произведений Достоевского, несмотря на их грандиозное значение для самого писателя, для литературного процесса 1860-х годов и для развития мировой литературы вообще. Особенно не хватает научных работ, в которых «Записки...» исследовались бы как художественное произведение. Во-вторых, выход томов нового академического издания «Полного собрания сочинений» Достоевского предоставляет дополнительные исследовательские возможности специалистам по его

творчеству и непременно вызовет повышенный интерес к нему со стороны научного сообщества к творчеству писателя. В-третьих, процесс развития глобализации и события последних лет в мире привлекают особое внимание к этно-конфессиональным аспектам современной культуры. Художественное исследование Достоевским его собственного опыта наблюдений за межличностными и межэтническими взаимоотношениями людей имеет значение и для современного решения этой проблемы. В-четвертых, внутривосточный курс на родине автора диссертации в последние годы развивается таким образом, что лагерная тема постепенно снова становится запретной.

Целью исследования является рассмотрение текста «Записок...» с точки зрения их интертекстуального аспекта и, соответственно, учет так называемых «смыслов интертекстуальности», а также анализ их главной темы – темы «отчуждения», прежде всего на основе тех фрагментов «Записок...», в которых развивается тема этно-конфессиональных «чужих».

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

выявить и прокомментировать те места «Записок...», где присутствуют реминисценции, аллюзии или пародия на предшествовавшие тексты русской и западноевропейской литературы, а также общественно-политической мысли;

проанализировать эти интертекстуальные элементы, определить их характер (унисонный или диссонансный) и в последнем случае прояснить их полемический смысл;

проанализировать те места в тексте, в которых речь идет о героях,

принадлежащих к этно-конфессиональным «чужим», и проследить развитие этих мотивов в последующих произведениях писателя;

прояснить причину такого изображения этих «чужих» и оценить значение этнокультурной темы для всего творчества писателя;

исходя из полученных выводов о художественной природе «Записок...», по-новому взглянуть на спорную проблему жанра и характер решения основной художественной темы «Записок...».

Объектом исследования служат «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Помимо данного произведения, **предмет** исследования составляют также другие произведения и переписка Достоевского, в частности его публицистика 1860-х годов, литературные произведения, а также публицистические и литературно-критические тексты А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, писателей «натуральной школы», французских утопических социалистов и др.

Методом исследования является традиционный историко-литературный подход. Однако в ходе работы также будут учитываться достижения других литературно-теоретических и этно-культурных теорий — таких, как герменевтика, теории интертекстуальности и ориентализма.

Подзаголовок настоящей работы «проблемы научной интерпретации» нуждается в уточнении в двух отношениях. Во-первых, мы не будем заниматься методологическим или онтологическим аспектом самой проблемы интерпретации, а сосредоточимся на ее практическом применении в отношении к тексту «Записок...» и его интертекстуальным связям с другими текстами.

Во-вторых, подзаголовок диссертации не означает, что в ней будет предложена некая совершенно новая интерпретация, а предыдущие варианты интерпретации будут подвергнуты сомнению. Например, комментарии к разным изданиям «Записок...», составленные И. Д. Якубович, Б. Н. Тихомировым и Т. А. Касаткиной, отличаются самым высоким научным уровнем. Однако сам жанр комментария как приложения к художественному тексту, с одной стороны, заставлял исследователей много заниматься реальным комментарием, а с другой стороны, во многом лишил их возможности подробного анализа некоторых более существенных для произведения моментов. Так, интертекстуальные связи, как правило, прослеживались недостаточно систематически и иногда без указания на их функцию или смысл. Единицей комментируемого текста часто становятся отдельные фразы вне общего контекста и связанных с ними сквозных мотивов произведения. В результате в комментарии иногда не отражается их значение в рамках общей структуры текста. По нашему убеждению, научная интерпретация произведения как раз должна основываться прежде всего на системном мотивном, биографическом и интертекстуальном комментарии к тексту с учетом всех взаимосвязей различных частей текста.

В диссертации мы детально рассматриваем только несколько сквозных мотивов этого произведения. Однако, опираясь на имеющийся историко-литературный, биографический, интертекстуальный, этнокультурный и мотивный комментарий к «Запискам...», мы стараемся учитывать как художественную и идейную функцию, так и место каждого элемента в

художественной системе произведения и в совокупности творчества Достоевского.

Новизна работы состоит в том, что интертекстуальные аспекты «Записок...» рассматриваются в ней более системно, причем не только сами по себе, но и в связи с этно-конфессиональной темой.

Из **выводов**, полученных в диссертационном исследовании, можно извлечь следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Литературные прототипы кавказских героев в «Записках из Мертвого дома» — Акима Акимыча, Алея и Нурры — восходят к «Герою нашего времени» М. Ю. Лермонтова — Максиму Максимычу, Азамату и Казбичу. В эпизоде обучения Алея грамоте воплощается преломление Достоевским руссоистского представления о преимуществе естественности перед цивилизацией и замещении страстной романтической любви любовью христианской. Эпизод также стал символом начала сближения дворянства с народом и одним из способов реализации почвеннической идеологии писателя. В обоих случаях замысел Достоевского был осуществлен именно посредством внутренней полемики с Лермонтовым.
2. В 1860-е годы церковный раскол интересовал Достоевского в первую очередь своими внешними свойствами, как потенциал отрицания и бунта. Под возможным влиянием А. П. Щапова писателю удалось создать образ старика-раскольника и ряда тюремных бегунов и показать парадоксальное сосуществование в них «пугачевщины» и «селивановщины». Хотя внешние признаки старика-раскольника напоминают Макара Долгорукого из романа

«Подросток», но раздвоенный внутренний мир и жизненный путь первого в большей степени предвещает образы не Макара, а тех культурных раскольников и «вечных скитальцев» в будущем творчестве писателя, которым свойственно аналогичное сосуществование «гордыни» и «кротости», «потребности отрицания» и «потребности страдания».

3. Формула «бедно и дико, но свободно» в описании Достоевским степи под влиянием руссоистского представления о несовместимости цивилизации и свободы стало в русской литературе общим местом. Описание степи у многих русских писателей, в том числе и у Достоевского, не обходится без приукрашивания образа ее чуждых цивилизации обитателей. При этом степь в русской литературе имела также и историко-политическое измерение, связанное с пространством Империи, а писатели хорошо осознавали неременную гибель степной дикости под напором цивилизации.

4. «Отчуждение» в «Записках...» является сложной категорией и динамичным процессом. Иногда рассказчик стремится к уменьшению расстояния между «своими» и «чужими», а иногда совсем наоборот. Случаи охлаждения отношения рассказчика к полякам как будто бы свидетельствуют об убеждении писателя в том, что общая национальная и религиозная идентичность важнее сословных различий. Хотя эпизоды, например, с Алеем, казалось бы, воплощают противоположную художественную интуицию писателя.

В процессе работы мы старались следовать «культурно феноменологической» традиции Пушкинского дома с присущим ей детальным

анализом и конкретным историко-литературным подходом. В то же время история изучения «Запискок...» в какой-то степени, возможно, подчиняется закону развития так называемого «герменевтического круга». Благодаря работам таких наших предшественников, как Г. М. Фридлендер, В. А. Туниманов, И.Д.Якубович, уровень понимания «Записок...» в целом значительно поднялся. И именно на основе этого поднявшегося уровня *общего* понимания можно по-новому взглянуть на некоторые частные элементы художественной структуры книги, которые снова требуют *детального* рассмотрения. Только после этого и на основе этого мы постараемся определить некоторые коррективы в общую интерпретацию произведения Достоевского, а также в соотнесенность книги с его почвеннической идеологией.

С одной стороны, в книге звучат мысли о преимуществе простонародья перед дворянством и о том, что последнему надо учиться у первого, однако с другой стороны он немало страниц уделено изображению отрицательных сторон образа народа. Кроме того, внутренний сюжет «Записок...» лежит в постепенном осознании Горянчиковым полного отчуждения народа от дворянства. Тем не менее, многие эпизоды книги все-таки намекают на возможность преодоление этого отчуждения. При этом если эпизоды с героями-кавказцами демонстрируют именно это, то эпизоды с евреем и поляками несут противоположный смысл. Такое неоднозначное решение писателем этой художественной темы выгодно отличает «Записки...» от однозначного отстаивания почвеннической идеологии в его публицистике. А это противоречие между «Достоевским-художником» и

«Достоевским-публицистом», разумеется, предвещает и будущие сложные отношения между автором «Братьев Карамазовых» и автором «Дневника писателя».